

В.П. ТИТОВ

Шоу для кандидата в императоры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
В11

В11 **В.П. Титов**
Шоу для кандидата в императоры / В.П. Титов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 93 с.

ISBN 978-5-4241-3271-1

Главный герой произведения Шурик, оказывается в странном мире, где есть гномы, не лишним будет меч в схватке с драконом, а еще нашлось место Бабе Яге, чертям и...Президенту США., Благодаря козням «старушки из избушки на курьих ножках», начинаются головокружительные приключения с автоматной стрельбой, взрывами гранат и всем остальным антуражем стычки современности со сказкой.

ISBN 978-5-4241-3271-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка.
«Книга по Требованию», 2023
© В.П. Титов, 2023

Владимир Титов

Шоу для кандидата в императоры

*Входящие, оставьте упования.
Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Песнь третья, 7-9*

1

— А главное, не забудь освежающего чего-нибудь, — наставлял я Шурика, уже сидевшего за рулем своего синего «Жигуля». — Само собой, «Фанту» тебе не дадут, но, может, хоть пепси-колу или «Байкал» выпросишь. Попадется лимонад — бери ящик. Не вздумай «Дюшеса» набрать — пакость.

— А «Наполеон» тебе не нужен?

— Какой еще Наполеон? — не сразу сообразил я.

— Ну, коньяк который. По полсотне рваных.

— Иди ты! — сказал я и пнул Шурика в колесо.

Шурик рыкнул коробкой скоростей и скрылся в облаке пыли.

— Умные все пошли — жить тошно, — ворчал я, спускаясь к озеру по крутой и скользкой тропинке. — И откуда только такие берутся? Знал бы адрес — еще бы десяток заказал.

Еще издали я заметил, что один из поплавок пытается утопиться. Когда же я подбежал к удочке, поплавок успел отказаться от дурацкой затеи и как ни в чем не бывало дремал на полировке озера, усыпанном лилиями. Мне осталось только убедиться, что червя на крючке съели.

— Эх, раз-зьява! — звонко пролаял кто-то за спиной.

Я резко обернулся.

В десяти метрах от меня, возле ведра с рыбой, сидела... лиса. Я ошеломленно повертел головой. Больше никого поблизости не было. — Что за ерунда? — проворчал я.

Лиса что-то хотела еще сказать, но передумала. Нет, я не оговорился. Она действительно что-то хотела сказать, даже пасть раскрыла, но потом безнадежно махнула передней лапой. Такой знак мог означать только одно: да что с тобой, ротозеем, разговаривать?!

— Эй, ты! — вдруг взорвался я. — А ну, брысь от ведра! Лиса нехотя встала, сладко потянулась и, презрительно помахивая хвостом, ушла в ближайšie кусты.

Я бросился к ведру. От дюжины отменных карасей, пойманных мной с утра, остались одни воспоминания да горка костей и чешуи на траве. В бешенстве я пнул ведро. Посудина опрокинулась и, отчаянно гремя, покатила к воде.

В кустах кто-то хихикнул.

«Снова лиса! — мелькнула мысль. — Ну, погоди у меня!»

Я осмотрелся, выбирая бульжник поувесистее. Меньше всего меня сейчас волновал вопрос: этично или неэтично бросать камни в говорящих и хихикающих лис. Эта наглая тварь умудрилась довести меня до бешенства! Ну скажите, видел меня кто-нибудь хоть раз взбешенным? Разумеется, нет! Не зря же я в нашей редакции считаюсь самым уравновешенным и спокойным человеком.

Как назло, подходящий камень не попадался, отчего я злился все больше и

больше.

— Кар р р! — раздалось вдруг сверху. — Зр-р-ря стар-р-раешься, дур-р-рачок! Хитр-р-рая лиса удр-р-рала. Кар-р-р!

Я задрал голову. Надо мной пролегал ворон.

— Пр-р-ривет р-р-ротозеям! — прокаркал он, скрываясь за рошей.

Пораженный, я минут пять молча смотрел туда, куда улетел ворон. Потом бессильно сел на землю. Честное слово, я ни черта не понимал. В опустевшей разом черепной коробке затравленной мухой металась только одна мыслишка: «Допился, родимый!» Так наверняка сказала бы моя жена, расскажи я ей о случившемся.

«А может, и правда допился? — начал я скидывать в пустую черепную коробку первые попавшиеся под руку мысли — не пустовать же сосуду разума! — Белая горячка? Ерунда! Пью крайне редко. Почти месяц вообще ничего спиртного в рот не брал. Галлюцинации? С чего бы вдруг? От перегрева? Хотя, стой! Попугаи говорят? Говорят. А скворцы? Само собой. Кто же мешает ворону говорить? Тот же скворец, только откормлен получше. Ха! Да я даже читал где-то про говорящих воронов. Или не читал? Точно, читал! Не то в „Знании — силе“, не то в какой-то районке».

— Фу! — вздохнул я облегченно. — С вороном все ясно — дрессированный.

«А лиса? — ехидно спросило мое второе „я“. — Лиса тоже дрессированная?»

»

Я не люблю свое второе «я» — вечно ехидное и непатриотичное по отношению ко мне. Еще минуту назад, когда в голове сквозняк гулял да мыслишка-муха металась, его и в помине не было — дезертировало. А стоило хоть одной путной идее возникнуть, второе «я» — тут как тут. Понимаю, второе «я» необходимо. Без него никакого духа противоречия не получится, никакого единства и никакой борьбы противоположностей. Все это само собой, но сейчас мне было не до диалектики.

«Лиса не разговаривала, — соврал я сам себе. — Показалось мне. Она просто лаяла».

Второе «я» раскрыло было рот, чтобы возразить, но так и забыло его захлопнуть.

В небе раздался глубокий, но красиво приглушенный гул. Из-за роши, вылетел бело-красный спортивный Як-50.

— Ух ты! — разом сказали оба мои «я». А где-то там, в груди, защемило. Небо — мечта моего детства. О боже, как я хотел когда-то летать! Жаль, здоровье подкачало — близорукость не позволила. Очкариков в аэроклуб не принимали, в летные училища — тем более. Ирония судьбы, но вот уже года три я хожу без очков, а на очереди — дальнорукость. Старею.

Красавец «Як» круто пошел вверх, вращаясь вокруг оси. «Восходящая управляемая бочка», — определил я. Набрав высоту, самолет выписал петлю Нестерова, сделал колокол и пошел на восьмерку.

Завороженный, я не отрывал глаз от «Яка». Вот он пошел в штопор, красиво, без запоздания, вышел из него и скрылся в облаке.

Вдруг раздался какой-то непонятный звук, похожий на громкий хлопок в ладони, и пение мотора оборвалось. Через несколько секунд самолет беззвучно вынырнул из облака. Двигатель не работал.

— Я затаил дыхание, следя за тем, как летчик выравнивает заглохшую машину. «Парашюта у него наверняка нет, соображал я. — Да и что толку от парашюта. С такой высоты он и раскрыться не успел бы».

Летчик справился с машиной, и теперь «Як» беззвучно, словно призрак, шел по широкой дуге вокруг озера.

«Куда же он сядет? — ломал голову я. — Поблизости ни одной подходящей площадки, только лес, озеро да извилистая и узкая проселочная дорога».

Теряя высоту, самолет приближался ко мне. «Неужели на воду решил?! Молодец!» — одобрил я решение летчика. Другого выхода я тоже не видел.

Самолет летел с невыпущенным шасси. Вот он чиркнул фюзеляжем по озерной глади, подняв фонтан брызг, и вдруг резко остановился, напоровшись на корягу, чуть торчавшую над поверхностью. Нос его нырнул под воду, а хвост взвился вверх. Фюзеляж переломился, и самолет, завалившись набок, начал тонуть.

— А, черт! — выругался я и прямо в джинсах нырнул с берега в озеро.

Самолет был в каких-то тридцати-сорока метрах от меня. Плаваю я хорошо, но тут мне не повезло. Крючок одной из удочек зацепился за штанину, а удилище, как назло, было надежно закреплено на берегу. Прочная леска натянулась, и меня так рвануло назад, что я от неожиданности хлебнул воды.

Вынырнув, я откашлялся и, сбросив штаны под водой, поплыл к «Яку». Самолет успел наполовину затонуть. Поколдовав с минуту над фонарем кабины я кое-как сдвинул среднюю его часть назад.

В кабине, словно в ванне, сидела девушка, одетая в бело-черный спортивный костюм. Голова ее безжизненно откинулась на спинку кресла. Вода успела дойти до плеч летчицы. Отстегнув на ощупь ремни, я вытащил девушку из почти скрывшейся под водой машины. Девушка оказалась легкой и хрупкой. Мне ничего не стоило «отбуксировать» ее к берегу.

Так и не пришедшую в себя летчицу я положил на траву и понесся к палатке, стоявшей в полусотне метров от берега. Аптечки не оказалось, она уехала с Шуриком на «Жигулях». Я лихорадочно соображал, чем заменить нашатырный спирт. Может, коньяком? Вздохнув, извлек из заначки бутылку «Белого аиста», припасенную к моему дню рождения, и побежал к озеру.

Девушка все еще лежала без сознания. Став на колени рядом с ней, я попытался открыть бутылку. Пробка не желала свинчиваться. Пожалел, что нет Шурика — он спец по вышибанию пробок. С горем пополам мне удалось содрать пробку зубами.

Я приподнял голову девушки и поднес горлышко к ее чуть приоткрытому красивому роту. От первых же капель коньяку девушка вздрогнула и закашляла.

Я облегченно вздохнул. Жива! Не очнись она от коньяку, я, наверное, утопился бы сам, ибо совершенно не представлял, чем и как еще можно привести человека в себя.

Девушка перестала кашлять, села и удивленно посмотрела на меня.

— Где я? Кто вы? — спросила она дуплетом.

— На том свете, — сострил я. — А я — архангел Петр. Девушка осмотрелась. Губы ее передернула презрительная улыбка.

— А где же врата райа и ключи к ним? — спросила она насмешливо.

Я зачарованно смотрел в ее большие карие глаза и молчал. Мне было стыдно за свою дурацкую шутку.

— Владимир, — наконец представился я смущенно. — Владимир Перепелкин, корреспондент областной «Молодежки». А вы?

— А меня зовут Алиной. Алина Гордеева — инженер-технолог радиозавода. Как я сюда попала?

— Прямо с неба.

— С неба? — некое подобие неуверенной улыбки коснулось ее губ. — Я летала?

— Еще как летала! Пока не заглох двигатель.

— Заглох?

— Ну да. Ты скрылась в облаке. Потом что-то хлопнуло, и двигатель заглох.

— А где мой самолет?

Я мельком глянул на озеро. Алина перехватила мой взгляд и посмотрела туда, где из под воды торчал конец левого крыла «Яка». На штанге приемника воздушного давления, словно на ветке, сидела какая-то птаха.

— Боже мой! — прошептала Алина. — Значит, этот кошмар мне не приснился. Но как я оказалась на берегу? Помню, как вышла из штопора... Набирала высоту. Потом... Что было потом?

— Потом заглох двигатель, — подсказал я. — Кстати, у «Крэнфильдов» и ЗЛИНов двигатели в воздухе не глохнут.

Алина зло блеснула на меня глазами.

— Что бы ты понимал в «Крэнфильдах» ЗЛИНах?! Лучше наших «Яков» спортивных машин нет.

— Ну-ну, — сказал я примирительно, — я пошутил. Сам знаю, «Як» — машина что надо. Но почему же он заглох?

— Он не заглох. Двигатель заклинило от удара. Я с кем-то столкнулась в облаке.

— Столкнулась?

— Да.

— С НЛЮ? — сыронизировал я. Алина отрицательно помотала головой.

— То, во что я врезалась, было живым.

— Птица?

— Нет. Какое-то огромное и жуткое чудовище. Я не успела рассмотреть его как следует, но оно, по-моему, похоже на птеродактиля или птерозавра... с тремя головами...

— А может, на Змея Горыныча?

Алина задумчиво посмотрела мне в глаза и серьезно проговорила:

— Ты будешь смеяться, но у чудовища из пастей вырывался огонь с дымом. Как у сказочного Змея Горыныча.

Я хмыкнул, и мы оба замолчали.

«Бедняжка, — подумал я. — Свихнулась. Что же мне делать с сумасшедшей?»;

— Только, пожалуйста, не считай меня сумасшедшей, — попросила Алина, будто угадав мои мысли. — Если не веришь, что я столкнулась, сплавай к самолету и полюбуйся на винт. Ему досталось больше всего. Чудовище наверняка не досчитывается теперь одной головы. На мое счастье, скорость самолета в момент

столкновения была маленькой. Иначе бы я разбилась. Сама не знаю, как мне удалось справиться с управлением и спланировать — элероны и рули, слава богу, работали. Потом я, кажется, пыталась сесть на воду?

— Да.

— Но как я попала на берег, не помню.

— Ты наскочила при посадке на корягу и, наверное, от удара потеряла сознание.

— Вот как? Значит, на берег вытащил меня ты? — спросила она прищурясь.

— Ну... выходит, я.

Я покраснел. Нить в роли героя мне раньше не доводилось.

— Спасибо, — просто сказала Алина.

— Не за что, — буркнул я.

— А это зачем? — кивнула она на бутылку.

— А — это... Это я пытался привести тебя в сознание.

— Ну и как? — Алина улыбнулась.

— Как видишь.

— Похоже, успешно. Может, завершишь «курс лечения» — нальешь мне немного? Что-то меня колотит.

Она сидела в мокром спортивном костюме, охватив плечи руками и поджав ноги. Только сейчас я заметил, что девушка вся дрожит.

— Ой, извини! — спохватился я. — Мог бы и сам догадаться.

Я встал и помог подняться Алине.

— Идем в палатку. Переоденешься в сухое. Отметим твоё воскрешение.

В палатке царил мужской, холостяцкий беспорядок. Вперемешку валялись рыболовные снасти, одежда, полные и пустые консервные банки, книги, бутылки из-под пепси-колы — одним словом, все, что было при себе у двоих молодых мужчин, пожелавших провести хоть часть отпуска на природе, подальше от города и жен.

Не без труда я откопал чистую сорочку и запасные джинсы.

Стаканы нашлись сразу.

Алина быстро переделалась, развесила на кусты свой шикарный бело-черный спортивный костюм, и мы выпили за здоровье, знакомство и за то, чтобы Змеи Горынычи не попадались на дороге и не вертелись под ногами. Слушай, Витя, — сказала Алина, закусывая говяжьей тушенкой, добытой Шуриком по великому благу.

— Володя, — поправил я.

— Разве? — удивилась она.

— Уже тридцать лет — Володя. Почти тридцать.

— Извини, мне показалось, что ты назвался Виктором.

— Ерунда. Если бы оговорилась моя жена, я сам не знаю, и сделал бы. А тебе — можно. Если нравится, зови Виктором.

— Нет уж, нет уж! — запротестовала она. — Володя так Володя.

Когда она сказала: «Нет уж, нет уж!», я сразу вспомнил старенький анекдот про роддом. Там одному мужику сначала сказали, что его жена умерла, а потом вдруг выяснили, что умерла не она. Жена же его родила двойню. Тот мужик тоже говорил: «Нет уж, нет уж! Умерла так умерла!»

Я раскрыл рот, чтобы спросить: знает ли она такой анекдот, но Алина опере-

дила меня:

— Так вот, Витя...

Я захлопнул рот и подумал: «Умерла так умерла... Пусть буду Витей».

— Так вот, Витя, мне кажется, ты все же не поверил про змея Горыныча.

— Поверил.

— Неправда.

— Правда.

— Не спорь. Расскажи мне кто-нибудь нечто подобное раньше — сама не поверила бы. Вот и в аэроклубе не поверят... — Она с тоской посмотрела на кусок «Яка», торчащий из воды.

— В клубе тебе не поверят, а я верю.

Алина вскинула брови.

— Почему?

— Понимаешь. Алла...

— Алина, — поправила она и, улыбнувшись, добавила: — Уже двадцать пять лет Алина.

Извини. Я считал, что это одно и то же.

Алина насупилась.

— Ничего подобного.

— Ну хорошо: Алина так Алина. Так что я хотел сказать?

— Ты сказал: понимаешь, Алла.

— А, да. Понимаешь, Алла...

— Девушка поморщилась, но промолчала.

— ...час назад я, может, тоже не поверил бы, но перед твоим появлением произошло нечто, заставившее меня быть более доверчивым.

— Интересно. Что же именно?

— Смеяться не будешь?

— Попробую.

— Какая-то говорящая лиса сожрала наловленных мною карасей да еще обозвала меня раззявой.

— Шутишь?!

— Какие могут быть шутки?

Алина засмеялась.

— Это что, — добавил я. — После этого прилетел ворон и обозвал меня ротозеем.

— За что они тебя так? — смеясь спросила Алина.

— Карася упустил.

— Только-то и всего?

— Вот именно.

— Несправедливо.

— А я что говорю?

Я налил еще но маленько, но Алина отказалась. — Нет, спасибо... — Она замолчала, а потом добавила: Володя. — Ей явно хотелось назвать меня Виктором. «Ага. — самодовольно усмехнулся я. Не совсем умерла!»

— Мне надо срочно попасть в аэроклуб.

— Он далеко?

— Километров двадцать отсюда.

— Всего-то?

Алина хмыкнула.

— Всего-то! Но я не представляю даже, как туда добираться. Вокруг лес. Хотя постой... Километрах в двух отсюда, кажется, проходит автострада?

— Проходит.

— Тогда проще. Доеду автостопом. Я улыбнулся и подмигнул Алине.

— Вот уж ни к чему.

— Почему?

Через часок явится мой коллега и друг Шурик Нестерчук на собственном «Жигуленке». Я его отправил за продуктами в ближайшую деревню. Мы мигом отвезем тебя хоть к чертям на кулички — только прикажи.

— О! — Алина наигранно-вежливо поклонилась. — Вы так любезны, монсьёр. Не знаю даже, как и отблагодарить вас.

— Сочтемся, — заверил я. — Мне — поцелуй, Шурику — «спасибо» и улыбку. Мы люди не жадные и не гордые. Алина наклонилась и поцеловала меня в щеку. Я покраснел.

— Аванс? — смущенно пробормотал я.

— Нет. Это за спасение утопающих летчиц.

Я встал.

— Ну ладно. Закусывай. Отдыхай. А я пойду проверю удочки. Авось успею до возвращения Шурика на уху наловить. Хочешь ухи?

Алина кивнула, жуя тушенку с черствым хлебом. На одной удочке не было ничего — на ней я не успел сменить червяка, пока объяснялся с болтливыми лисами и воронами. На другой — оказались мои джинсы. Еще на четырех удочках дожидались меня здоровенные караси. Я зачерпнул воды в ведро, собрал в него карасей, сменил червей на удочках, выжал и натянул мокрые джинсы. Солнце уже карабкалось в зенит. Дело двигалось к обеду.

«Что-то долго нет Шурика», — подумал я, развалившись на травке и подставляя живот солнцу.

— Ой-ой-ой! — пропищал кто-то возле уха. — Ты меня раздавишь!

Я вскочил и оторопело осмотрелся. Никого!

— Что за чертовщина! — выругался я. — Покажется же!..

— Ничего подобного, — заявил все тот же писклявый голос. — Я тебе не показался.

В траве кто-то зашевелился. Я присмотрелся и ахнул. Там копошился гномик! Самый настоящий! Сантиметров пятнадцать ростом, с длинной бородой, в полосатой вязаной шапочке с кисточкой на макушке.

— Смотреть надо, куда ложишься! — бурчал он, выпутываясь из зарослей травы. — Ты, что ли, Владимир Перепелкин?

У меня отвисла челюсть.

— Н-ну я, — промямлил я с трудом.

— Твой дружок на синем «Жигуленке» сегодня не приедет. — Гном выбрался из травы на песок. — И завтра тоже, — добавил он и пошел к ближайшим кустам.

— Эй! — крикнул я, когда гном чуть было не скрылся в кустах. — С чего ты взял, что Шурик не приедет?

Гном остановился и ответил:

— Он выпал из Зоны.

— Из чего выпал?

— Из Зоны. Впрочем, если желаешь увидеть его, иди быстрее на тридцать первый километр. Может, застанешь его там.

— А где это: тридцать первый километр?

Гномик не ответил. Он уже исчез в кустах.

Минуты две я соображал: показалось или не показалось. Попытался посоветоваться со вторым «я», но оно, как всегда в таких случаях, ретировалось. Ничего не оставалось делать, как пойти посоветоваться с Алиной.

Алину я нашел сидящей у входа в палатку в легком шоковом состоянии. А если проще: она обалдело уставилась на меня, чего-то явно не понимая. В палатке и на прилегающей к ней территории она успела навести порядок.

— Что случилось? — выпалил я. — Снова Змей Горыныч?

— Нет. — ответила она шепотом. — Сорока.

— Что, сорока?

— Она разговаривает.

— Только-то и всего?!

Алина беспомощно посмотрела на меня.

— Ты меня не понял, — произнесла она неуверенно. — Я сказала, что она *разговаривает*.

Я сел рядом с Алиной и обнял ее за плечи. Она дрожала.

— Успокойся, — приказал я как можно увереннее. — Здесь разговаривают все, кому не лень: лисы, вороны, гномы и прочие.

— Гномы? — переспросила она тихо.

— Гномы, — подтвердил я.

— Про гномов ты мне не рассказывал.

— С одним из них я познакомился только что.

— А!..

— Где твоя говорящая сорока? Улетела?

— Нет, вон — на ветке.

Я поднял глаза. На нижней ветке березы сидела самая обыкновенная сорока, с любопытством таращась на нас. Созерцание нашей растерянности явно доставляло ей удовольствие.

— Эй! — крикнул я довольно-таки невежливо. — Ты, что ли, тут говорящая?

— Да, я — говор-р-рящая сор-р-рока, — протрещала она.

— Чего тебе?

— Пр-р-риказ! Я пр-р-рочитала пр-р-риказ!

— Чего-чего? — прорычал я. — Чей приказ? Повтор-р-ри! Не р-р расслышал.

Пр-р-роще пр-р-ростого! — застрекотала сорока. — Пр-р-роще пр-р-ростого! Пр-р-риказ Р-р-распр-р-ремудр-р рой. Всем людям, пр-р-ребывающим в пр-р-ределах Зоны, пр-р-редписано добр-р-ровольно пр-р-рибыть во двор-р-ец. Пр-р-ротив упр-р-рямых пр-р-редусмотрено пр-р-рименение пр-р-ринудительных мер-р-р.

— Чего-чего? — спросил я с угрозой. — Каких еще мер?!

— Пр-р-ринудительных, — повторила сорока, взлетев. — Тр-р-ри часа на р-р-размышления. Пр-р-ривет! — Она скрылись за деревьями.

— Так. проговорил я. — Это уже интересно. Тебе она то-же самое говорила?

— Да, — ответила Алина тихо и испуганно. — Так, — повторил я.

— Я боюсь, — прошептала Алина. — Чего?
— Ну... всего этого. А может, мы оба сошли с ума?
— Оба? Ну уж нет! Так не бывает. Любой из нас в отдельности — пожалуйста, но — оба!..
— Давай уйдем отсюда, — предложила девушка.
— Давай, — согласился я. — Тем более, что Шурик не появится. Если верить гному, он не то вывалился, не то выпал зоны, в которой мы имеем счастье «пр-р-ребывать».
— Как выпал? — удивилась Алина.
— А вот мы пойдем сейчас и посмотрим, как это ему удалось.
— Куда пойдем? — На тридцать первый километр. Он, говорят, там.
— А где это? — А черт его знает! Выйдем на шоссе, там видно будет, собирайся.

Алина заставила меня отвернуться и быстро переоделась в свой бело-черно-импортный костюм. — Расческа есть? — спросила она.

— Есть, — ответил я смущенно, — только она, понимаешь, не первой молодости и свежести. — Ладно уж, давай, — вздохнула она.

Я протянул свою щербатую и забитую расческу. Алина пристроила мое зеркальце для бритья на крыше палатки и принялась расчесывать свои длинные выщипанные волосы цвета красного дерева.

— Химия? — поинтересовался я, коснувшись ее локонов.

— Сам ты — химия, — обиделась девушка. — Я не делаю завивку, у меня свои такие.

— А красишь «Татьяной» или «Рубином»?

Алина повернулась и с любопытством посмотрела на меня.

— Смотри-ка, разбирается! — произнесла она с легкой иронией и добавила: — Я не крашусь. Я мою волосы оттеночным шампунем «Татьяна». Брови не выщипываю, ресницы и челюсти — свои. Не замужем. Еще вопросы будут?

— Нет, — буркнул я уязвленно.

С собой я взял охотничий нож, моток лески, пакетик крючков и грузил, деньги, документы, носовой платок, авторучку и блокнот. Больше в карманы джинсов ничего не вошло. С сожалением повертел в руках начатую бутылку «Белого аиста», заткнул ее пробкой, скрученной из газеты, и спрятал в дальнем углу палатки.

«Что же делать с рыбой? — соображал я. — Засолить, а потом повесить вялиться?»

Я направился на берег за ведром с уловом. Там я быстро убедился, что вопрос о рыбе отпал — у пустого ведра облизывалась лиса. Мне ничего не оставалось, как смотать удочки во всех смыслах.

— Готова? — спросил я Алину, вернувшись к палатке. Она кивнула.

Я застегнул палатку и приколотил грозную записку: «Находится под охраной Распремудрой. Всякий прикоснувшийся подлежит наказанию посредством сжирания Змеями Горынычами о трех, шести и т. д. головах, либо прочими птеродактилями, людоедами и иродами по усмотрению автора записки.

Вовчик Перепелкин.

Постскриптум. Шурик, не путайся — это не про тебя. Если разойдемся в дороге, знай: меня похитила прекрасная кареокая фея. При случае познакомлю.